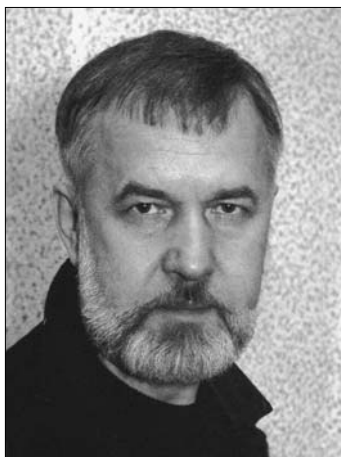

ПЁТР КОЗЛОВ

Я ВЫРАСТИЛ РУССКУЮ ДУШУ...

* * *

Видно, следую отчим заветам:
на просторах России родной
не хочу быть российским поэтом,
если русской иду стороной.
В обобщении этом подстава.
В нём отрыв от родимых корней.
Не нужна мне российская слава —
русской славы не вижу я в ней.
Пусть меня обобщат — россиянин,
в общих списках исчезну в века,
но сегодня я тем осиянен,
что в России я русский пока.

В МУЗЕЕ ДОСТОЕВСКОГО

В музее Достоевского поэты
успешно провожают старый год.
А маска Достоевского при этом
на них глядит и ничего не ждёт...

КОЗЛОВ Пётр — член Союза писателей России, автор четырёх книг; в "Нашем современнике" печатается впервые. Живёт в Омске.

Закрыты веки. Но сквозь эти веки
взирает космос на живых людей
и понимает: все тут — человеки,
не лишены причуд, затей, страстей.

Слеза ребёнка им всего дороже,
когда они с собой наедине...
А ныне собрались и год итожат,
он творческий, наверное, вполне...

И сам бы Достоевский был не против
махнуть рукою рюмку не спеша,
ведь здесь уже не в арестантской роте,
здесь каждая — свободная — душа...

Ты если русский, значит, православный
и, стало быть, совсем не либерал...
Ну, вот и подытожили, и славно...
В музее Достоевского... Кто б знал!

Не всё покрыто пеплом в нашем мире.
Великий космос знает, что под ним
есть угли, что все помнят о кумире!
А маску — для экскурсий здесь храним...

* * *

Н. А. Нарочницкой

Живём — живым, не мёртвым — не вещами.
Разумная достаточность во всём.
Ростовщики, они не обнищали —
берут процент копейкой и рублём.

Но что нам с них — они над златом чахнут,
и этим искривлён их рай земной.
А в рай небесный (видно, деньги пахнут)
им не пролезть, не обрести покой...

А мы — живём, и всё вокруг нас — живое:
деревья, и дома, и небеса,
и слово наше до того простое —
творит в душе и в жизни чудеса!

И всё вокруг нас пронизано Любовью.
Ну что ещё нам в жизни роковой,
коль можем мы пожертвовать собою,
а не дрожать над собственной судьбой?

* * *

Приснился Путин... Бог ты мой!
Я наблюдал его в работе.
Вот он летит на самолёте,
а вот в машине мчит стрелой...

Вот в школе он, среди детей.
А вот он в поле, на уборке.
С дотошной мимикой своей —
во всём детальные разборки...

Вот он прилёт среди травы,
чтоб снять усталость в три минуты.
И всё притихло почему-то,
и стали сумерки правы...

И предо мной возникла Русь.
Её леса, поля и реки.
И я подумал, что к добру
она едина, в кои веки...

Но первым быть её лицом
лишь только избранным под силу.
А вот служить своей России
нам всем дано, в конце концов.

И я очнулся, и не спал,
и думал, надо же присниться
тому, кто Русь мою спасал —
страну берёзового ситца...

Я БЫ...

Я бы с Западом не заигрывал,
не подыгрывал бы ему:
никогда ему не завидовал,
а в особенности — уму.

Я не ведал бы расточительства,
тратил только бы на себя
нефть и чудное электричество,
прочность почвы своей крепя!..

Был бы рад иностранцу робкому
и показывал бы свой дом,
как богато и неторопко я
проживаю свободно в нём!

А когда торговаться стал бы он,
мол, того и того бы мне,
я в ответ бы спросил у слабого,
мол, а в вашей что есть стране?

А когда он от злобы немощной
по моим бы пошёл гробам —
друг-приятель, ответствуй, веришь, нет? —
я бы дал ему по зубам...

Вот такая моя политика,
так мой предок жил на Руси.
Всё на месте своём, до винтика!
Всё по-честному, гой-еси!